

ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ВТОРИЧНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ

Морозова Е. И.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

У статті розглядаються особливості вторинного конструювання емотивних смислів у дискурсі. Виявлено корелятивну залежність особливостей дискурсивного втілення емоцій від дистанціювання суб'єкта дискурсивної діяльності. Установлено, що різні режими дистанціювання (віддалення – наближення) мають різний емотивний потенціал: під час скорочення психологічної дистанції зростає інтенсивність емоції, а під час її збільшення – позитивність емоції (якісна характеристика).

Ключові слова: дистанціювання суб'єкта дискурсивної діяльності, конструювання емотивних смислів у дискурсі, режими дистанціювання (віддалення – наближення), інтенсивність емоції, якісна характеристика емоції.

В статье рассматриваются особенности вторичного конструирования эмотивных смыслов в дискурсе. Выведено коррелятивную зависимость особенностей дискурсивного воплощения эмоций от дистанцирования субъекта дискурсивной деятельности. Установлено, что разные режимы дистанцирования (удаление – приближение) имеют разный эмотивный потенциал: при сокращении психологической дистанции возрастает интенсивность эмоции, а при ее увеличении – позитивность эмоции (качественная характеристика).

Ключевые слова: дистанцирование субъекта дискурсивной деятельности, конструирование эмотивных смыслов в дискурсе, режимы дистанцирования (удаление – приближение), интенсивность эмоции, качественная характеристика эмоции.

This article considers secondary construal of emotive senses in discourse. The correlation of discourse instantiation of emotions and discourse subject distancing is revealed. Different distancing regimes (moving away – drawing close) are shown to have different emotive potential: the intensity of emotion grows with the reduction of the psychological distance; with the increase of the latter, the positivity of the emotion goes up (a qualitative characteristic).

Key words: distancing of the discourse subject, construal of emotive senses in discourse, distancing regimes (moving away – drawing close), intensity of emotion, qualitative characteristic of emotion.

Научные труды Ольги Петровны Воробьевой всегда опережали и продолжают опережать сегодняшний день отечественной гуманитарной науки: термины «когнитивный», «иконичный», «концепт», «возможный мир», «неоднозначность» и «аномальность», которые были ключевыми в ее статьях 90-х, сегодня являются признаком актуальности многочисленных диссертационных исследований. Сегодня, уже в XXI веке, ее научный поиск характеризуется междисциплинарностью: он сосредоточен на «резонансе» и «волне», «напряжении» и «симуляции», «фракталах» и «фузиях», словесной

голографии, оптике, геометрии. А еще – на пейзаже и музыке. И здесь вспоминаются слова А. Эйнштейна о «наивысшей музыкальности в области мысли», которые, на мой взгляд, наилучшим образом характеризуют Ольгу Петровну Воробьеву как ученого.

Однако для меня не менее важна и «музыкальность души» Ольги Петровны, попасть под очарование которой мне выпало счастье. В ее юбилей мне хочется пожелать, чтобы эти душевные струны со временем звучали только звонче и светлее, неся интеллектуальное наслаждение не одному поколению исследователей и вызывая только положительные эмоции.

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена особенностям конструирования эмотивных смыслов в дискурсе. Описывая эмоции, люди, бесспорно, выбирают те языковые единицы, значение которых, на их взгляд, наилучшим образом передает соответствующее переживание. Однако роль языка в его отношении к эмоциям не может быть сведена к роли «окошка», сквозь которое можно увидеть эмоциональное состояние адресанта или лица, о котором он говорит. С помощью слов – и не только эмоционально окрашенных – человек способен производить различные действия, имеющие прямое отношение к эмоциям, в первую очередь, конструировать свою «эмоциональную самость» (self) и вызывать чувства других людей. Эти действия осуществляются в дискурсе, который, помимо текста, включает невербальные и паравербальные действия и мн. др.

Одним из таких действий является **дистанцирование** субъекта дискурсивной деятельности, которое реализуется как его удаление от / приближение к другим составляющим коммуникативной ситуации (собеседнику, месту, времени и пр.). При дистанцировании говорящий может увеличивать или уменьшать психологическое расстояние между собой и собеседником, отстраняться от содержания своего высказывания или, наоборот, акцентировать свою ответственность за достоверность сообщаемого и т.п. Для этого он определенным образом организует передаваемую вербально и / или невербально информацию.

Объектом нашего рассмотрения выступают когнитивные механизмы дистанцирования говорящего, а предметом – один из дискурсивных эффектов дистанцирования, а именно, порождение эмотивных смыслов. Цель исследования состоит в выявлении особенностей вторичного конструирования смыслов в дискурсе эмоций.

Под *дискурсом эмоций* (emotion discourse), вслед за Д. Эдвардсом [6, с. 271-272], понимаем то, как субъект дискурсивной деятельности выражает и описывает эмоции, а также использует вербальные и невербальные средства для индуцирования эмоций своих партнеров по коммуникации. Иными словами, дискурс эмоций есть способ говорения в ситуации, в которой субъект испытывает эмоции, сообщает о своих эмоциях или переживаниях других людей или вызывает эмоции слушающих.

Понятие дискурса эмоций возникло в социальной психологии, где его исследование осуществляется на материале, представляющем устный модус дискурса (обыденный разговор / everyday talk, консультирование / counseling и т.д.). Однако при анализе дискурса эмоций с лингвистических позиций представляется вполне оправданным и привлечение в качестве эмпирического материала таких разновидностей письменного модуса дискурса, как сценарии «мыльных опер», тексты политических дебатов, диалоги, представленные в литературных произведениях, газетные статьи полемического характера и т.п.

Лингвистическим изучением дискурса эмоций призвана заниматься эмотивная лингводискурсология, являющаяся одной из составляющих лингвоэмотиологии. В рамках эмотивной лингводискурсологии весьма перспективной представляется когнитивная лингводискурсология эмоций. Связь между эмоциями и когницией является двусторонней, что позволяет выделить в рамках когнитивной лингводискурсологии эмоций два направления – когнитивно-дискурсивную теорию эмоций и теорию, объясняющую природу когниции на основе эмоций.

Последнее направление является междисциплинарным. Оно основывается на выдвинутом нейробиологом А. Дамасио [4; 5] положении о том, что между телом и разумом нет непроходимой границы, как это полагали сторонники классического рационализма: основой рациональности человека являются эмоции, которые, в свою очередь, происходят от телесных ощущений. Несмотря на то, что теории, объясняющей природу когниции на основе эмоций, широко используют языковые данные, лингвистика занимает маргинальное положение в этом направлении когнитивной лингводискурсологии эмоций.

Лингвистической науке, однако, принадлежит ключевая роль в разработке когнитивно-дискурсивной теории эмоций. Отличительной чертой когнитивно-дискурсивной теории эмоций является ее интегративность, предполагающая возникновение нового качества из соединения когнитивных и дискурсивных характеристик объекта.

Мысль о том, что при актуализации в дискурсе ментальные сущности демонстрируют новые свойства по сравнению с теми, которые закреплены в значении языковых единиц в словаре, не нова для современной лингвистики, но она, как правило, не акцентируется современной лингвоконцептологией, по крайней мере, в ее восточноевропейском варианте. «Концептологи» придерживаются точки зрения, что концепт (значение) является стабильной ментальной сущностью и сохраняет это свойство во всех своих языковых «воплощениях», т.е. в единицах словаря и в дискурсивных единицах.

Неправомерно, однако, игнорировать тот факт, что такие понятия, как концепт и его западные аналоги – когнитивная модель (cognitive model), наивная теория (folk theory), – существенно преувеличивают логическую и когнитивную стабильность дискурсивных реализаций концепта. Так, проявление эмоции (раз она идентифицирована и представлена посредством лексической единицы, то она концептуализирована и категоризована) может быть расценено как произвольная реакция или сознательная демонстрация эмоции, как разово возникшее в конкретной ситуации чувство или

проявление характерной черты личности [7, с. 288]. Примером, иллюстрирующим последний случай, может быть дискурсное употребление имени прилагательного *jealous* («ревнивый», «завистливый», например, *a jealous lover, a jealous neighbour*; или «ревнующий», «завидующий», например, *jealous of his rival, jealous of his colleague*).

Это означает, что в дискурсе эмоций постоянно совершается субъектами ситуативная, творческая работа по смыслообразованию. В этой работе принимает участие не только говорящий, но и слушающий. Мы – предположительно – знаем, что чувствуем и говорим, но не можем с точностью предсказать, какие чувства вызовут наши слова у другого человека. Это означает, что смысл высказывания в значительной мере определяется адресатом [1].

Принимая во внимание степень устойчивости конструируемых в дискурсе эмотивных смыслов, а также намерения говорящего и роль слушающего, организуем эти смыслы в виде иерархии. Прежде всего, эмоция может найти свое вербальное или невербальное воплощение в дискурсе, а может и остаться неизвестной адресату. Таким образом, вершиной такой иерархии, ее наиболее абстрактным членом, будет означенная эмоция. Далее, означенная эмоция может быть явлена в дискурсе намеренно или ненамеренно (в последнем случае существенно возрастает роль слушающего). Наконец, эмоция может быть описана (например, именем эмоции) или проявлена – эксплицитно (например, междометием) или имплицитно. В последнем случае имеет место вторичное конструирование эмоций, которое находится в фокусе нашего внимания.

На повышенную вероятность возникновения в такой ситуации эмотивного смысла указывают определенные вербальные и/или невербальные средства, которым эмотивность изначально не присуща. Связь эмотивности с таким средством не является знаковой, а носит импликационный характер, представляя собой такое отношение между двумя фактами, при котором «один факт (вещь, предмет, событие, явление)

актуализирует в сознании мысль о другом и информационно настраивает сознание на этот второй» [2, с. 25].

Дистанцирование говорящего представляет собой один из дискурсивных фактов, «информационной функцией» [там же] которого может выступать эмотивность. Рассмотрим основные виды дистанцирования. В соответствии с соотношением центрального элемента коммуникативной ситуации (Я) с ее другими составляющими (СЕЙЧАС, ЗДЕСЬ, ТЫ, СООБЩЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ ВЕЩЕЙ) выделяются четыре «измерения» [9, с. 440-441] дистанцирования говорящего:

(а) во временном пространстве (Я • СЕЙЧАС → ТОГДА / ПОТОМ), например:

"So what is this? Real estate or dope dealing?" <...>

"Reacher shrugged. Pointed at the phone again. "You'll know as soon as I do. Which might be never" (11, с. 91).

(б) в физическом пространстве (Я • ЗДЕСЬ → ТАМ), например:

"What? How did they drive out?"

"I can't go into the specifics on the phone <...>" (10, с. 224).

(в) в социальном пространстве (Я → ОН / ОНА / ОНИ), например:

"May I call you Nicholas now?" I turned from her; went to the sofa-table, stared at the photos there. "Very well. I will not ask again" (12, с. 605). Этот фрагмент иллюстрирует дистанцирование в социальном пространстве, осуществляемое невербально, путем определенного положения в физическом пространстве.

(г) в пространстве реальности (Я • В РЕАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ → В (НЕ)ВОЗМОЖНОЙ СИТУАЦИИ), например:

"Would you marry me if I asked you?"

"You can't say it like that."

"I'd marry you tomorrow if I thought you really needed me. Or wanted me" (12, с. 20).

Подчеркнем, что дистанцирование субъекта может осуществляться вербально или / и невербально, причем разные способы дистанцирования (во времени, в физическом пространстве, в социальном пространстве, в пространстве реальности) могут сочетаться в одном высказывании.

Когда речь идет о психологическом дистанцировании, это не означает, что та или иная составляющая коммуникативной ситуации действительно находится на далеком или близком расстоянии от субъекта (хотя это может быть и так). Субъект видит действительность в соответствии с тем, каким он сам предстает в данной ситуации. Таким образом, психологическое дистанцирование – это разновидность Я-позиционирования (англ. *stancetaking*) субъекта дискурсивной деятельности.

Изменить свою позицию в дискурсе, не принимая на себя ответственность за это изменение, невозможно [8, с. 585]. Это означает, что дистанцирование может служить эффективным инструментом конструирования различного рода социальных отношений в дискурсе, например, доминирования / подчинения, свой / чужой, манипулирования и т.п. Демонстрируют коррелятивную зависимость от дистанцирования и эмоции.

Для разных режимов дистанцирования характерны разные эмоции. Так, удаленность может свидетельствовать о неудовольствии, неприязни, раздражении, отвращении, ненависти, гневе, стыде, гордости субъекта. Приведем пример, в котором дистанцирование связано со страхом:

“I know you’re pussyfooting around a bunch of meth-using bikers. Like you’re scared of them. ”

“We’re not scared of them. ”

“So why pussyfoot around?” (11, с. 65).

Изменение психологической дистанции между людьми в сторону сближения характерно, для приязни, нежности, любви, а также любопытства, например:

The rest of the women, perhaps because they don't want to make a spectacle, watch reluctantly as their men drift off and get in line. Cecil sees this and comes down from his platform. He is all concern, all gallant attention, gently drawing them toward more savory matters. <...> The women move closer to Cecil <...>. "If you'll step this way," Cecil continues, "I'll show you ladies something you've never seen before. Something so unusual, so extraordinary, you never dreamed it existed, and yet it's something you can talk about at church this Sunday, or with Grandma and Grandpa at the dinner table" (13, c. 80).

Как видно из вышеприведенных примеров, разные режимы дистанцирования (приближение / удаление) коррелируют с разными эмоциями в обоих направлениях: разные эмоции адресанта влекут за собой его удаление или приближение, а разные режимы дистанцирования способны индуцировать разные эмоции адресата.

Примечательно, что дистанцирование может само быть осуществлено имплицитно, как, например, в нижеприведенном фрагменте, где эффект приближения достигается путем детализации описания объекта. Это, в свою очередь, подчинено цели вывести адресата из равновесия, вселить в него страх:

"Still, you're human, which means you can't entirely extinguish your feelings for your real life. I'm willing to wager that that will be so in the case of Jane."

Alice looked at him as though "Jane" were some strange-sounding word from the language of the indigenous Carib tribe.

She ought to have been curious which Jane he meant, though, for surely she knew several, let alone her de facto goddaughter.

"Poor play," he said. "You're masking your apprehension that I mean the little girl in South Yorkshire with pigtails the color of sunshine, who, on Christmas morning, opened an airmail package sent from this neck of the planet and delighted in its contents, a radio-controlled mermaid." He was certain this detail would get a rise out of her.

She didn't blink (14, с. 74).

Одним из дискурсивных эффектов дистанцирования является то, что приближение способно увеличивать интенсивность эмоций [Сар, с. 127]. Рассмотрим дискурсивный фрагмент, иллюстрирующий, как слова и невербальные действия, в частности, сокращение расстояния между говорящими, вызывают сильное волнение адресата:

I stared at Grady, trying to process what he was saying. He glanced around and leaned in closer. "Besides," he said, locking eyes with me, "it seems to me you've got a lot to lose right now." He raised his eyebrows for emphasis. My heart skipped a beat (13, с. 17).

Удаление, в особенности во временном и физическом пространстве, способно сглаживать неприятные детали, фокусируя внимание на положительных характеристиках объекта, т.е. представляя его «в розовом цвете». Например:

"And you wouldn't marry me because I'm a whore and a colonial."

"I wish you wouldn't use this word."

"And because you wish I wouldn't use that word."

Always we edged away from the brink of the future. We talked about a future, about living in a cottage, where I would write, about buying a jeep and crossing Australia. 'When we are in Alice Springs ...' became a sort of a joke – in never-never land (12, с. 35).

I would sit in the car and watch her walking down the street towards me, pause, cross the road; and she looked wonderful. But when she was close, beside me, there so often seemed to be something rather shallow, something spoilt-child, in her appearance (12, с. 31).

Подведем итоги. При рассмотрении дискурса эмоций с позиций когнитивно-дискурсивного подхода он предстает как среда конструирования эмотивных смыслов, а не как поверхностная реализация (воплощение, объективация) неких глубинных структур, соотносимых с эмоциями.

Первичное конструирование эмотивных смыслов в дискурсе предполагает эксплицитную связь с языковым знаком, а вторичное – имплицитную.

При вторичном конструировании эмотивных смыслов «первичным конструктором» может выступать дистанцирование субъекта дискурсивной деятельности. Разные режимы дистанцирования (удаление – приближение) служат разным когнитивным целям: удаление – выйти за пределы коммуникативной ситуации («здесь» и «сейчас»), приближение – детализировать ее. Как следствие, эти режимы дистанцирования имеют различный эмотивный потенциал: с сокращением расстояния возрастает интенсивность эмоций, а с его увеличением изменяется качество эмоции (уменьшается негативность). Помимо этого, с разными режимами дистанцирования коррелируют разные эмоции. Так, удаленность может свидетельствовать о неудовольствии, неприязни, раздражении, гневе, стыде, гордости, страхе, а близость – о приязни, нежности, любви, любопытстве.

Дистанцирование имеет четыре основные разновидности (во временном пространстве, в физическом пространстве, в социальном пространстве, в пространстве реальности). Коррелятивная зависимость эмоций и дистанцирования отмечена во всех разновидностях последнего, однако и здесь наблюдаются определенные тенденции (элементарные эмоции – физическое дистанцирование, сложные – социальное дистанцирование).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата : монография / Ольга Петровна Воробьева. — Киев: Вища шк., 1993. — 199 с.
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособ. / Михаил Васильевич Никитин. — СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. — 760 с.
3. Cap P. Proximizing objects, proximizing values: Towards an axiological contribution to the discourse of legitimization / Piotr Cap // Perspectives in Politics and Discourse / Ed. by Ursula Okulska and Piotr Cap. — Amsterdam: John Benjamins, 2010. — P. 119-143.

4. Damasio A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain / Antonio Damasio. — N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1994. — 248 p.
5. Damasio A. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness / Antonio R. Damasio. — N.Y.: Harcourt Brace, 1999. — 386 p.
6. Edwards D. Discourse and Cognition / Derek Edwards. — L.: Sage, 1997. — 368 p.
7. Edwards D. Emotion Discourse / Derek Edwards // Culture and Psychology. — 1997. — Vol. 5, No. 3. — P. 271-291.
8. Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective / Donna Haraway // Feminist Studies, 1988. — Vol. 14, No. 3. — P. 575-599.
9. Trope Y. Construal-Level Theory of Psychological Distance / Yaacov Trope, Nira Liberman // Psychological Review. — 2010. — No 117(2). — P. 440-463.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

10. Brown D. The Da Vinci Code / Dan Brown. — N.Y.: Doubleday, 2003. — 454 p.
11. Child L. 61 Hours / Lee Child. — N.Y. — Delacorte Press, 2010. — 415 p.
12. Fowles J. The Magus / John Fowles. — L.: Pan, 1988. — 656 p.
13. Gruen S. Water for Elephants / Sara Gruen. — N.Y.: Algonquin Books of Chapel Hill, 2011. — 571 p.
14. Thompson K. Once a Spy / Keith Thomson. — N. Y. : Doubleday, 2010. — 328 p.